что русский «Брунцвик» во многих случаях сохранил более древние чтения, чем известные чешские тексты, и исходя из этого «исправил» чешскую хронику. Однако два обстоятельства не позволяют с абсолютным доверием относиться к реконструкции Ф. Прусика: во-первых, он оперировал с текстом, изданным М. Петровским по списку XVIII в., сильно испорченному; к тому же издатель местами «подновил» текст; во-вгорых, — и это наиболее существенно — исправления Ф. Прусика не могут быть признаны обоснованными методологически, поскольку он проявил излишнюю «привязанность» к русскому тексту. Так, фразу «běda mně toho dočekavší», которой в издании М. Петровского соответствует русская фраза «Ах, беда мне великая бысть, до сего дня доживши», Ф. Прусик также счел нужным изменить: «Вероятно, в чешском оригинале тоже было běda mně toho (dпе) dočekavší! — здесь Неомения говорит о дне, когда Брунцвик хочет ее покинуть» (?). Подобных случаев в реконструкции Ф. Прусика очень много.

Г. Прохазкова в упомянутой выше книге «По следам давней дружбы» снова вернулась к вопросу о «распространениях» и «сокращениях» в русском переводе, за целиком основываясь, впрочем, на работе Й. Поливки. Ввиду указанных причин мы не можем согласиться с ее (или Й. Поливки) наблюдениями.

Высказывавшиеся в научной литературе надежды на известное только по заглавию оломоуцкое издание «Брунцвика» 1565 г. как на возможный источник русского перевода, 31 по нашему мнению, довольно шатки: ведь это издание содержало и хронику о Штильфриде, в русской же литературе никаких следов знакомства со «Штильфридом» нет. Более того, поскольку можно говорить об определенной традиции старопечатных изданий (все они содержат обе хроники и к тому же восходят к рукописи, родственной рукописи Пражской университетской библиотеки XI.В.4, в которой также помещены и «Штильфрид», и «Брунцвик»), предположение о рукописи как оригинале перевода кажется более предпочтительным.

Все это, повторяем, диктует необходимость исследовать все чешские и русские тексты повести о Брунцвике, после чего станет возможным сравнительное изучение чешской и русской версий.

*

Проникновение в древнерусскую письменность хроник, излагающих события чешской истории, начинается еще в XVI в., когда в западнорусский Хронограф включается обширный раздел о Чехии («О Чесском кролестве кроника»). Эта глава Хронографа исследуется Г. Прохазковой в специальной статье, 32 которая потом вошла и в ее книгу «По следам давней дружбы». Г. Прохазкова подошла к чешской части западнорусского Хронографа с чисто исторической точки зрения, попытавшись выяснить идеологические основы труда русского хрониста. Справедливо отмечая, что «О Чесском кролестве кроника» — произведение переводное («почти дословный перевод» соответствующей главы «Хроники всего света» Мартина Бельского), она, однако, перейдя к оценке взглядов, метода и манеры русского автора, совершенно забывает об источнике перевода. В резуль-

³⁰ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství, стр. 103 и сл.
31 Эти надежды как будто разделяет и А.В.Флоровский (А.В Флоровский.
Чешские струи в истории русского литературного развития, стр. 242).

³² Helena Procházková. České dějiny v ruském letopise — Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR, № 2. Praha, 1956, стр. 300—310.